

О НАРОДНОЙ артистке РСФСР, актрисе АБДТ им. М. Горького Людмиле Макаровой можно сказать: ее героини повзрослели, стали мудрее, решительнее, к юношескому задору в них прибавилась колючая язвительность, они обрели уверенность в себе и крепкую жизненную хватку... Но при всем при том они удивительно, предельно, до кончиков волос, до мельчайших движений и интонаций непреходяще женственны. Ее Наташа в «Трех сестрах» — существо пошлое, ограниченное, даже злобное, называемое не иначе, как «шершавое живот-

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Героини актрисы не только жизнерадостны, они еще — что особенно важно — жизнестойки. А это — ох, какое нелегкое умение, какой своеобразный жизненный талант!

каторгу... «Такому человеку хоть... солнце вместо шляпы на голову надень, а он все будет жаловаться», — обиженно и гневно выкрикивает она.

Пустынная хохотушка? Может быть. Человек, не способный опечалиться чужим несчастьем, черствый, равнодушный? Тоже может быть... Но в этих ее постоянно искрящихся жизнестойкостью интонациях, в этом ее жадно ищущем что-то веселое и интересное взгляде, в ее всегда уютно устранивающейся фигуре — сильный заряд жизнеспособности, жизнестойкости. Недаром так легко и весело с ней Нилу. Неда-

и в количестве бантиков на платьях, и в количестве завороженных сердец. Отсюда следует «во-вторых».

Во-вторых, Анна Андреевна гораздо ближе по духу стремительно срывающему «цветы удовольствия» Хлестакову, чем ее меланхоличная дочка. Жадный блеск в глазах, жадные, быстро подгребающие к себе движения ее рук, комичное для тяжеловатой «матроны» желание, да и умение «порхать» — из всего этого последовательно выстраивается облик женщины, которая (дай ей только развернуться) крепко будет держать свою жерт-

Вот где в полной мере завершен темперамент актрисы. Вот роль, где она поистине «купаются», отдается ей полностью и с удовольствием.

Ее Ханума, чуть постаревшая и остепенившаяся, ни на каплю не менее женственная, чем прежние героини Макаровой, способна убедить и обворожить любого: если не доводами, то собственной великолепной уверенностью в своих силах. Художница, с женским всеулавливающим чутьем и цепкой мужской деловитостью, она напевает и пританцовывает, оборачивается то сладко-нежной, то колючей. Она увещевает и угрожает, всех очаровывает и всем все устраивает. Однако устройство дел Соны и Коты, князя и других — это только арена боя свахи-мастерицы и свахидилетанки. И спектакль по праву стал называться «Ханума», потому что она составляет его истинный центр; стал так называться в ее честь.

В последнем сезоне Макарова сыграла старуху. Седую. Прикованную болезнью к креслу. Сыграла даму «далеко за 60» в спектакле «Коски-мышки». Но эта ее старуха в каких-то самых важных человеческих чувствах и проявлениях не поддается старости. К тому же она озабочена жизненными неурядицами своей сестры, даже летит к ней из Мюнхена в Будапешт... Она тоже, как и другие героини Макаровой, по-своему верна себе: она удивительно на месте в этом спектакле, настаивающем на нетленности, неуязвимости добрых человеческих чувств. Она даже в старости не воспринимается старухой и принимает неизбежно надвигающийся конец одновременно с неиссякаемым женским кокетством и мудростью, приобретенной годами.

Героини Макаровой так полны жизни, так преданы жизни, с такой верностью и определенностью воплощают ее в себе, что они просто не способны стареть. Все, что даст им жизнь, они радостно и готово впитывают, не устают от приобретенного и в каждом своем возрасте находят прелесть и радости. Как сама актриса — в каждой своей роли.

Т. ЗЛОТНИКОВА

● Анна Андреевна — «Ревизор» Н. В. Гоголя
Фото М. Смирнина

● Гиза — «Коски-мышки» И. Эрбена.
Фото Б. Стуналова

НА СЦЕНЕ — ЛЮДМИЛА МАКАРОВА

ное», — и та, при всех своих явных и несправимых пороках была настолько женственна, что в одном этом парадоксально открывалась ее своеобразная гармоничность. Вот здесь и скрывается то, что можно назвать «феноменом Макаровой».

Ее женственность отнюдь не означает инфантильности. Ее злость отнюдь не означает раздражения. Поэтому, несмотря на видимую ясность, прозрачность, осязаемую понятность, ее героини чаще всего вызывают чувство неоднозначное, даже противоречивое.

Елена Николаевна, аппетитная вдовушка, квартирантка Бессеменовых, в десятках постановок «Мещан» толковалась либо как цепкая хищница, бестрепетно причисляемая к клану «мещан», либо чуть ли не как мятущаяся душа, «единомышленница и возможная сподвижница Нила и его товарищей». В спектакле Г. А. Товстоногова она, как и Тетерев, как и Перчихин, — «ничья». И это не бесстрастность отношения — нет, напротив, это тонкая и резкая оценка и враждующих лагерей, и тех, кто, как перекасти-поле, вечно живет «между»... Только Тетерев таким состоянием тяготеет, Перчихин счастлив им, а Елена принимает его, как и всю свою жизнь, непреложно данностью. И если уж все получается именно так, как получается, считает она, то надо не скулить и не жаловаться, а радоваться, что это так, а не иначе, потому, что иначе могло бы быть и хуже...

И Елена радуется. Она никому не позволит сделать себя несчастной, и если уж эта женщина, способная все-таки радоваться и из всего извлекать удовольствие, и возненавидит кого, так людей, которым нравится быть не-

счастливыми и навязывать свои болячки другим. «Такому человеку хоть...» — она долго подыскивает точное сравнение, чтобы показать, насколько глупы и нехороши те, кто не способен воспринимать жизнь как праздник и превращает ее в

ром так бояться ее старики Бессеменовы. Недаром чувствует себя выбитым из колен Петр, которым она совершенно буквально «вертит» по своему желанию. Она, оказывается, независима. Она способна на откровенный бунт. Она не будет терпеть, чтобы эти скучные мещане портили ее жизнь. В ней есть что-то от здорового эгоизма животного.

В Елене, какой ее сыграла Макарова, отчетливо и ярко проступила главная черта ее героинь: эти женщины при всех своих недостатках, при всех жизненных сложностях, попадающих на их пути, так полны жизни, так любят ее во всех ее проявлениях, что живут поистине как бы «с солнцем вместо шляпы». Они не только жизнерадостны, они еще — что особенно важно — жизнестойки. А это — ох, какое нелегкое умение, какой своеобразный жизненный талант!

Не знаю, можно ли хоть одну из героинь Макаровой назвать «отрицательной». Даже традиционно «отрицательная» Анна Андреевна — городничиха из «Ревизора», героиня пьесы, где нет ни одного положительного персонажа, — отнюдь не выглядит монстром.

Во-первых, эта городничиха еще вполне молода (а по нашим, современным понятиям и просто молода — каких-нибудь сорок лет). Молода, привлекательна, кокетлива — ее дочке было от кого унаследовать все повадки, которые, отражаясь как в зеркале, сделали их на какое-то время соперницами. Они соревнуются

ву внезапно выпущенными острыми и цепкими коготками.

Макарова — поборница неиссякаемого, щедрого жизнелюбия. Это качество высокое и человеческое. У Макаровой есть какая-то особая способность становиться объединяющим началом театрального зрелища, даже сюжета спектакля. Это уже давно почувствовал Г. А. Товстоногов, который поручил ей и Е. Копеляну роли ведущих в давнем спектакле «Когда цветет акация». Простенький сюжет, простенькие характеры, простенький парный конферанс, выпавший на долю двух актеров, которые могли предоставить в распоряжение зрителей только одно — свою индивидуальность, свое человеческое обаяние. Макарова в роли энергичной и веселой хозяйки спектакля была именно такой. И уж как будто без всяких стараний, без малейшей претензии на звание «души общества» объединяет, настойчиво подталкивает людей друг к другу (а иногда к самим себе) ее Ольга Носова, передоная ткачиха из «Традиционного сбора». В ней все очень просто, ее человеческие качества можно быстро и однозначно перечислить и не ошибиться — добра, опять-таки энергична и — верна себе. Верность себе — и в хорошем, и даже в дурном, верность себе как залог человеческой определенности так или иначе отличает всех героинь Макаровой.

Все та же страсть к объединению в полной мере становится основой характера Ханумы, сыгранной Макаровой.